

Критика медиаречи в «Литературном Иркутске» эпохи перестройки: субъекты, направления, способы введения в публикации

Т. Д. Романцова

Иркутский государственный университет,
Российская Федерация, 664025, Иркутск, ул. Ленина, 8

Для цитирования: Романцова, Т. Д. (2020). Критика медиаречи в «Литературном Иркутске» эпохи перестройки: субъекты, направления, способы введения в публикации. *Медиалингвистика*, 7 (3), 303–317. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.303>

Рассмотрены группы субъектов критики медиаречи газеты Иркутской писательской организации «Литературный Иркутск» конца 1980-х — начала 1990-х годов. К субъектам критики медиаречи, наряду с представителями академической сферы, сотрудниками медийных организаций, общественными активистами, предложено причислить группу литераторов — писателей, поэтов, драматургов. Расширение группового состава критиков медиаречи обосновано множественными объективными и субъективными причинами. Группы субъектов критики медиаречи структурированы в два сообщества — профессиональных и непрофессиональных коммуникаторов. Определены основные направления критики медиаречи в корпоративном издании. Установлено, что эффективно-действенные аспекты публикаций (риторика медиаречи) актуализированы, если критикуют избыточную или недостаточную экспрессию текстов, риторические аргументы к логосу (подмена понятий, бездоказательность, несостоятельность выводов, безосновательность предположений, уход от темы, нарушение причинно-следственных связей) и пафосу (сокрытие истинных интенций автора), недобросовестную работу с иллюстративно-фактическим материалом (искажение цитат, подтасовка и тенденциозный отбор фактов, их недобросовестная квалификация), манипулятивные тактики («свой — чужой», дискредитация оппонентов, наклеивание ярлыков, устрашение). Ресурсный и ситуативно-речевой ракурс (стилистика медиаречи) критика медиаречи приобретает при разборе стилевых и стилистических нарушений в медиа, анализе экстралингвистических факторов, повлиявших на индивидуальный стиль авторов СМИ, описании идеологических запретов на стилистическое использование языковых вариантов. Лингвоправовой и лингвоэтический аспекты критики (лингвоконфликтология) предполагают анализ речевых «злоупотреблений» медиа с позиций этики и права. Показана специфика включения критических замечаний разного объема в различные структурно-композиционные части материалов «Литературного Иркутска». Представлены три способа — «точный», «фрагментарный», «текстовый» — введения критики медиаречи в проблемные статьи, редакционные обращения, читательские письма, опровержения, комментарии «Литературного Иркутска».

Ключевые слова: критика медиаречи, *Литературный Иркутск*, корпоративная пресса, журналистика перестройки.

В марте 1988 г. газета «Литературный Иркутск» (далее — ЛИ) Иркутской писательской организации переросла в духовно-просветительский альманах [Романцова 2019: 181–182]. Редакционная политика ЛИ этого времени была во многом сходна с курсом журнала «Наш современник» конца 1980-х годов: *Публицистика вытеснила <...> прозу <...> резко выделился среди других равнодушием к сенсациям <...> У него много другой трудной работы, особенно той, что связана с расчищением почвы от завалов идеологического и экономического характера, накопившихся в 70-е — начале 80-х годов* [Тендитник 1988: 13]. *Трудная работа* ЛИ, помимо прочего, была связана с критикой отечественных медиа 1980-х годов как изменившегося речевого транслятора.

История вопроса. Согласно исследованиям Л. Р. Дускаевой, критический анализ функционально-нормативных составляющих языка печати развивался с середины прошлого века (К. И. Былинский, А. В. Абрамович, Э. А. Лазаревич, А. Э. Мильчин, М. П. Сенкевич, Д. Э. Розенталь), интерес к речевому поведению медиапрофессионала активизировался в 1990-е годы (Л. М. Майданова), типология правовых проступков, речевых преступлений, коммуникативных неудач разрабатывалась с начала 2000-х годов (Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков, Н. Д. Бессарабова) [Дускаева 2018: 51]. В последние годы критика медиаречи — «всех разновидностей русской речи, которые существуют в речевой практике СМИ» [Коньков 2016: 107] — вновь обратила на себя внимание исследователей как традиционная и самостоятельная ветвь медиалингвистики [Дускаева 2018: 51; Tsvetova 2019: 311].

Постоянно уточняется понятийно-терминологический аппарат критики медиаречи, воссоздается история становления и развития этой аналитической ветви медиалингвистики, характеризуется ее праксиологическая база [Дускаева 2018: 51], разрабатывается вопрос о теоретических и прикладных дисциплинах и методиках [Tsvetova 2019: 311–313]. Пока не определены и не описаны ценностные критерии речевой медийной практики, объем теоретических и практических задач, типология авторов критики медиаречи. (Понятия «критик медиаречи», «субъект критики медиаречи», «автор критики медиаречи», «аналитик медиаречи» используются в статье как синонимичные.)

Однако, несмотря на то что исследователи предметно не занимались изучением группового состава критиков медиаречи, опыт классификации субъектов медиакритики — критики средств массовой информации, где «основным материалом для анализа, интерпретации и оценки являются опубликованные медийные произведения» [Короченский 2010: 205] — существует. Этот опыт [Короченский 2010: 207], без сомнения, необходимо учесть в субъектно-групповом и аспектном анализе публикаций, посвященных критике медиаречи. Кроме того, даны отдельные характеристики авторов медиакритики [Бейненсон 2014: 420], вероятнее всего, релевантные и для критиков медиаречи.

Таким образом, результаты современных исследований группового состава медиакритиков представляется возможным использовать при работе над актуальной классификацией аналитиков медиаречи. В свою очередь, актуальную типологию аналитиков медиаречи вполне допустимо применять, работая не только с «новыми», но и со «старыми» медиа (например, ЛИ). Подобная экстраполяция приемлема, поскольку анализ речевого поведения авторов прессы — явление, традиционное для отечественной научной и общественной мысли. Кроме того, в этом

анализе довольно устойчивым остается отношение критики к «национально детерминированным принципам, конвенциям, стратегиям и правилам общения» [Цветова 2012: 23]. Вместе с тем аналитик языка СМИ, одновременно производитель и субъект речи, человек социальный и частный (Г. Солганик), всегда продуцирует социально акцентированный текст — текст о СМИ. Наконец, критик, независимо от темпоральных характеристик своего существования, выражает отношение к речевому явлению с точки зрения актуальных нормативов, одновременно моделируя языковой вкус адресата.

Постановка проблемы. Представляется, что развитие научных областей медиалингвистики, связанных с описанием нормативных форм речевой деятельности, эффективных правил речевого поведения участников медиакommunikации, может быть более успешным и объективным с учетом результатов исследования региональных СМИ не только как производителей, но и как критиков медийной речи.

Цель статьи — представить критику медиаречи на страницах ЛИ (газетную критику языка перестроечных СМИ: прессы, радио, телевидения) в групповом и аспектном ракурсах. Задачи:

- определить группы субъектов критики медиаречи ЛИ в соотношении с группами субъектов медиакритики;
- описать оценочно-аналитический арсенал субъектов критики медиаречи ЛИ конца 1980-х — начала 1990-х годов, направленный на коммуникативно-риторические, стилистические, формально-содержательные, поведенческо-правовые аспекты медиаматериалов [Васильева 2020: 45];
- выявить активные направления критики медиаречи в ЛИ конца 1980-х — начала 1990-х годов;
- описать основные способы включения критики медиаречи в тексты ЛИ о СМИ эпохи перестройки.

Предмет исследования — субъекты критики медиаречи корпоративной газеты конца 1980-х — начала 1990-х годов, структурно-содержательные особенности их публикаций.

Объект изучения — совокупная речевая практика ЛИ: тексты двадцати шести номеров газеты (март 1988 г. — июль 1993 г.), из которых методом сплошной выборки отобрано шесть публикаций разных жанров, включающих критику медиаречи.

Исследование источников произведено с помощью **методов** критической лингвистики, выявляющих признаки речевой агрессии, языкового доминирования; дискурсивного анализа, учитывающего экстралингвистические факторы: общественно-идеологические, духовно-нравственные, политические установки критиков и аудитории конца 1980-х годов; коммуникативно-лингвистического анализа: компонентного, семантико-стилистического, лексико-грамматического.

Анализ материала. Обратимся к составу авторов медиакритических публикаций, определенному А. П. Короченским. Субъектов медиакритики теоретик объединяет в три основные группы:

- «ученые... представители академического сообщества, совмещающие исследования с критико-журналистской деятельностью в научной, профессиональной и массовой прессе» (исследователи массовых коммуникаций, социологи, психологи, искусствоведы, киноведы);

- «профессиональные коммуникаторы (сотрудники медийных организаций)»;
- «активисты-общественники, занимающиеся критико-журналистской деятельностью в целях воздействия на общественное мнение и медийную практику с позиций и от имени гражданского общества <...> зачастую имеют опыт практической работы в редакциях и (или) журналистское образование» [Короченский 2010: 207–208].

Поскольку критика медиаречи является составляющей медиакритики, на наш взгляд, классификация А. П. Короченского состоятельна и в отношении критиков медиаречи. В то же время предложенная схема нуждается в корректировке. Представляется необходимым включить в классификацию литераторов — прозаиков, поэтов, драматургов — как самостоятельную группу субъектов критики медиаречи. Объектом медиакритического внимания художников слова становятся идейно-содержательные, лингвостилистические, риторические, лингвоправовые, художественно-эстетические характеристики телевизионных, радиальных, газетных, журнальных материалов, документальных и игровых фильмов. Заинтересованность литераторов в медиакритике и критике медиаречи объясняется, во-первых, пониманием роли и значения СМИ в формировании идейно-эстетических, морально-нравственных, культурно-речевых нормативов аудитории, особенно в эпоху изменения государственного строя. Во-вторых, тем, что биография и профессиональный опыт многих литераторов на разных этапах художественного творчества были связаны со СМИ: с получением журналистского образования, корреспондентской, редакторской работой в медиа, декларацией художественных идей на медийных каналах и продвижением литературных направлений и школ. Примеры участия творческой элиты в аналитике языка СМИ есть в корпоративной прессе (ЛИ), в прессе других форматов, в других подъязыках (Т. Г. Добросклонская) «старых» и «новых» медиа.

Субъекты критики медиаречи — академические исследователи, сотрудники медиа, литераторы, гражданские активисты — могут быть профессионально связаны с публичным словом (иметь опыт публичного общения и представление о риторических ресурсах убеждающей и воздействующей речи, знать правила структурирования текста, владеть литературными нормами) или профессионально не связаны с ним. На этом основании представляется возможным объединить три группы субъектов в единое сообщество, которое, используя термин А. П. Короченского, можно назвать «профессиональными коммуникаторами»: академических ученых, создающих научные труды и медийную аналитику о языке СМИ, дающих экспертные оценки языку медиа в публичной среде; сотрудников медийных организаций, использующих различные жанры, разные публичные площадки для акцентированной или фоновой оценки медиаречи; профессиональных литераторов, публично выступающих на разных медиаплатформах с критикой речи СМИ. Жесткой границы между группами субъектов внутри этого сообщества нет: критик-ученый может быть постоянным автором, ведущим или участником медиапроекта, критик — сотрудник медиа может иметь ученую степень и популяризировать научные достижения, критик-литератор может быть успешным журналистом и публицистом. На обозначенном выше основании — профессиональной связи с публичным словом — группа общественников, гражданских активистов (авторов писем, заметок,

реплик о языке СМИ) может быть отнесена к «непрофессиональным коммуникаторам». Границы этого сообщества тоже относительно условны: его представители в прошлом могли состояться, например, как журналисты-профессионалы.

Исследуем публикации в ЛИ критиков медиаречи четырех групп обоих сообществ: представителей академической сферы, сотрудников медийных организаций, литераторов, общественных активистов. Сразу заметим, что почти все тексты ЛИ, характеризующие язык СМИ эпохи перестройки, отмечены теми же маркерами речевой агрессии и чрезмерно активной риторики, против которых выступали сами критики языка медиа. Вероятно, недружелюбная риторика в отношении языковой деструкции казалась авторам ЛИ максимально действенной: выбор более мягких оценочных формул в условиях глобального государственного и культурного слома мог «вступить в конфликт с онтологически присущим языку СМИ отрицательно-оценочным модусом, без которого они теряют социальную эффективность» [Дускаева 2018: 51].

Первая группа субъектов представлена публикациями профессора кафедры советской литературы Иркутского государственного университета Н. С. Тендитник, возглавлявшей секцию критики при Иркутской писательской организации, и профессора, заведующего кафедрой советской литературы Ленинградского государственного университета (ЛГУ) Л. Ф. Ершова, участника семинара литературных критиков при Ленинградском обкоме КПСС.

Медиакритика Н. С. Тендитник в ЛИ затрагивает речь СМИ, если обсуждение неязыковых проблем требует акцента на концептуально важной лексике. В проблемной статье «Обновятся орлу крыле его?» Н. С. Тендитник рассуждает о раскрепощенности современного отечественного кино, театра, телевидения до степени *откровенного обнажения интимных сторон женской судьбы* и поддержке этой опасной тенденции одобрительными рецензиями ученых, оценками политиков, мнениями журналистов [Тендитник 1989: 16]. Профессор приводит примеры языковых манипуляций, в частности подмены ценностных понятий, в популярной иркутской прессе: *«Магией власти» назвал смесь политического критиканства и грубого секса философ В. Грузков в рецензии на фильм «ЧП районного масштаба» («Советская молодежь». 8 августа 1989 г., с. 4). Изоциренную порнографию фильма кандидат философских наук именуем «откровенным интимом»* [Тендитник 1989: 16]. Критик не приемлет одобрения ученым-философом того, что по вековой национальной норме, *отмеченной высоким целомудрием*, считалось запретным: *Можно только удивляться «свободе» философской мысли, которая остается на своем, нетронутым нравственной озабоченностью, уровне; призывает общими усилиями прервать поток массмедийной дезориентации, остановить разрушительную работу печати, кино, видео, телепередач* [Тендитник 1989: 16].

Более значительный объем критика медиаречи занимает в статье-опровержении доктора филологических наук Л. Ф. Ершова о конференции «Сибирь: ее сегодня и завтра в современной русской литературе» (ЛГУ, 9 октября 1987 г.). Редакция ЛИ посчитала необходимым перепечатать текст из газеты «Ленинградский университет» (22 января 1988 г.), продемонстрировав солидарность с положительными откликами на конференцию и авторскими оценками современной русской литературы о Сибири. Считаем возможным включить статью-опровержение [Ершов 1988: 3] в базу источников нашего исследования, так как публикация дала возможность ир-

кутянам по контрастным оценкам составить представление о научном мероприятии, посвященном сибирской литературе, и органично влилась в совокупный текст корпоративной газеты.

Л. Ф. Ершов отмечает ряд речевых «злоупотреблений» в глумливом «отчете» писателя Г. Петрова, опубликованном по поводу конференции в газете «Советская культура»:

— манипулятивные риторические приемы:

- а) искажение цитат: *Выхватив отдельные фразы авторитетных ораторов — академика Ф. Г. Углова, доктора экономических наук, эксперта ООН по окружающей среде М. Я. Лемешева, известного экономиста и публициста М. Ф. Антонова и др., Г. Петров намеренно отклонился от разговора по существу* [Ершов 1988: 3];
- б) тенденциозный отбор, подтасовка фактов: *прошел мимо острых литературно-общественных и социально-экологических проблем <...> приковал внимание к отдельным, своеобразно истолкованным фактам; «Не увидел» он ни новой формы конференции, где наряду с научными докладами звучали стихи, фонограммы выступлений некоторых известных писателей, фольклорный хор, демонстрировались слайды о Сибири <...> была экспонирована содержательная выставка; намеренно обошел главное в ее работе, исказив смысл и содержание форума. **Г. Петровым полностью проигнорирована основная часть конференции** — научные доклады* [Ершов 1988: 3];
- в) дискредитация оппонентов, наклеивание ярлыков: *Если верить Г. Петрову <...> участники этой конференции — случайные, темные, весьма сомнительные люди; Применить начавший уже забываться метод наклеивания политических ярлыков вместо аргументов, намекая при этом недвусмысленно на идеологическую неблагонадежность оппонентов* [Ершов 1988: 3];
- г) тактика устрашения (психологического давления): *делился своими подозрениями, пугал аудиторию; Чем-то зловещим веет от угрюмой фигуры очарованного проработчика; Некий контингент лиц в зале был заинтересован в том, чтобы свернуть серьезную конференцию в нужном им направлении <...> устрашить тех, кто вздумает публично обсуждать серьезные гражданские проблемы* [Ершов 1988: 3];
- д) тактика «свой — чужой»: *Сам заголовок статьи аранжирован так, чтобы вбить клин между разными кругами научной и художественной интеллигенции. Автор вопрошает: «Так вы пробиваетесь к правде?» Декать, есть **вы** и есть **мы**. **Вы**, как полагает бдительный автор, весьма сомнительны и далеки от истины, а вот **мы** стоим у ворот правды* [Ершов 1988: 3];

— логические несоответствия:

- а) безосновательность предположений, бездоказательность и несостоятельность выводов: *В этом же ряду дурно пахнувший домысел относительно причины переполненности огромной аудитории Актового зала, которая, якобы, собралась в предчувствии скандала; оказывается несо-*

стоятельным утверждение автора статьи о несоответствии содержания конференции объявленной программе; Г. Петров не утруждает себя доказательствами [Ершов 1988: 3];

б) подмена понятий, уход от темы: Г. Петров намеренно отклонился от разговора по существу; В этой тираде особенно трогателен противительный союз «а», с помощью коего достоинство выдается за порок [Ершов 1988: 3];

— стилистические нарушения:

а) стилистическая неуместность: Признаемся, давно не читали в солидном печатном органе такого набора отнюдь не джентльменских выражений [Ершов 1988: 3];

б) избыточная экспрессия, речевая агрессия: ...отчет в несколько возбужденной манере, чему отвечает его стилистика; Недопустим тон, которым Г. Петров говорит о выступавших; Отсутствие элементарной доказательности, научной аргументации компенсируется директивно-командным тоном с характерной для литературных будочников неприменной жаждой оргвыводов и репрессалий: «правомочной комиссии» разобрать «каждый пункт», «запустить в ход механизм ответственности публичного слова». Здесь не принято церемониться: разобрать, запустить, покарать, истребить [Ершов 1988: 3];

в) клишированность (идеологизированные штампы 1920-х годов): Г. Петров вполне усвоил манеру застойной леворапповской критики [Ершов 1988: 3].

Девиантное речевое поведение Г. Петрова Л. Ф. Ершов связывает с экстралингвистическими факторами, главные из которых:

— политическая ангажированность: Не из такого ли сорта полуграмотных и лишенных «краски стыда» людей рекрутировались в приснопамятные времена кадры лысенковцев? [Ершов 1988: 3];

— персональные качества оппонента:

а) некомпетентность и невежество: Автор статьи на самом деле обнаруживает элементарную некомпетентность <...> не знает (или не хочет знать), что задолго до графа С. С. Уварова И. А. Крылов, А. С. Пушкин и другие великие реалисты сделали народность основой творчества <...> факт, хорошо известный каждому сколько-нибудь грамотному в вопросах развития отечественной общественной мысли [Ершов 1988: 3];

б) непорядочность, безответственность, пренебрежение этическими нормами: Автор статьи, просидевший в зале всю конференцию <...> промолчал, отсиделся в холодке, спохватившись лишь полтора месяца спустя; Нарушая элементарные этические нормы — без разрешения докладчиков научной конференции <...> дал предельно субъективистский монтаж; В случае с Г. Петровым, извратившим всю суть и смысл конференции, можно употребить другое слово — некомпетентность и предельная безответственность [Ершов 1988: 3].

Ценность медийного текста, созданного ученым-филологом, состоит в разно-сторонней критике доминирующего речевого поведения оппонента, произведенной с учетом экстралингвистических оснований. «Злоупотребления» языком квалифицированы как отступление от этического кодекса, пренебрежение национальным риторическим идеалом.

Вторую группу субъектов критики медиаречи в ЛИ представим статьей В. Смирнова, редактора газеты «Забайкальский рабочий», председателя Читинского отделения Союза журналистов СССР. Информационным поводом для его комментария «Стыдно за то, что русские?..» послужили два медиафакта: ...обозреватель «Московских новостей» Дементьева пишет: «Бывают минуты, когда испытываешь стыд уже за то, что ты — русская» («МН», № 10) <...> другая дама по «Радио России» самозабвенно кается: «Стыдно, что мы — русские...», почувствовала жгучий стыд за свою принадлежность к русским после кровавых событий в Литве [Смирнов 1991: 13].

В завязке комментария В. Смирнов именует и описывает речевые правонарушения СМИ: *Почему средства информации, с гордостью называющие себя демократическими и независимыми, открыто исповедуют расизм в форме русофобии?* [Смирнов 1991: 13]. Понимая серьезность обвинения, он ссылается на общепринятую словарную трактовку термина: *Да-да, тот самый расизм, который словари трактуют как «антинаучную, реакционную, человеконенавистническую теорию о разделении человечества на “высшие” и “низшие”, “полноценные” и “неполноценные” расы»* [Смирнов 1991: 13]. Таким образом, введение термина и толкование лексемы в концептуально важном и композиционно ответственном отрезке текста выполнено с помощью прямой ссылки на лексикографический источник.

Профессиональный журналист с многолетним редакторским стажем фиксирует существенные пороки медиатекстов «Московских новостей» и «Радио России», находящиеся в зоне ответственности риторики и литературного редактирования — дисциплин, влияющих на принципы оценки медийной речи [Tsvetova 2019: 312]. В. Смирнов указывает на отсутствие убедительной аргументации при доказательстве провокативного тезиса, нелогичность выводов и ложные обобщения, отсутствие причинно-следственной отнесенности между высказываниями: *Независимые и демократические дамы убеждают русских людей в их неполноценности. Но какими же аргументами? А вот: в московском суде слушается дело о мафиозной группе, на скамье подсудимых — два чеченца и один грузин. Партийные газеты «Правда» и «Гласность» опубликовали статьи о «чеченской мафии». Дементьева вступилась, и вполне справедливо, за 9 тысяч чеченцев, проживающих в Москве: мол, не все же они мафиози! Но — оцените блеск дементьевской логики — поскольку эти газеты печатаются на русском языке, то обозревателю «МН» нестерпимо стыдно за принадлежность к этому оскорбительному языку, к этой убогой нации; При чем тут русский народ, если речь можно вести лишь только о профессиональном уровне журналистов, о соблюдении ими этических норм? Так ли уж криминален русский язык, язык Пушкина, Лермонтова, Есенина, Достоевского, Толстого, Чехова, если на русском языке издавались законы тоталитарного государства, если на русском языке, пусть худо-бедно, изъяснялся тиран Джугашвили?* [Смирнов 1991: 13].

Риторику журналисток В. Смирнов в целом характеризует как *косноязычное бурчание*, отмечает манипуляцию чувствами и эмоциями читателя с помощью ри-

торических аргументов к пафосу (*Демократку угнетает уже сама принадлежность к «русской империалистической национальности»*), делает акцент на сокрытии истинных интенций и подмене предмета оценки (*Ну причем тут русский народ, если появилось желание ущипнуть своих политических оппонентов из партийной прессы?*), фиксирует нарушение профессиональных этических норм (*Есть резон стыдиться работы на радио, не нашего времени для рассказа о трагедии простых людей — литовцев, русских, евреев, поляков, немцев*) [Смирнов 1991: 13].

Сам комментатор, пользуясь ассоциациями с русскими речевыми прецедентами, в финале иронически советует *...дамам от журналистики: покопайтесь в своей родословной. А вдруг да повезет — отыщете в роду иноплеменного предка, вычислите процент нерусской крови* — и ернически замечает: *Если уж не удастся изменить столь постыдную для вас национальность в паспорте, то на душе все же полегче будет* [Смирнов 1991: 13]. Финальные рекомендации и замечания В. Смирнова сделаны при абсолютном понимании психолого-поведенческих особенностей журналистов, истоков их «конфронтационно-невротического дискурса» [Большев 2012]. В. Смирнов показывает, что средоточием зла выбраны не действительно заслуживающие порицания политизированные медиа, непрофессиональное речевое поведение журналистов партийных изданий, а русский язык и национальность.

Толкование концептуальной лексики, отсылка к словарям задает в зачине филологический ракурс рассмотрению идеологической проблематики, позволяет выстроить комментарий, отмеченный своеобразной риторической эстетикой. В каждую структурно-композиционную часть комментария последовательно включена критика какой-либо филологической составляющей текстов «Московских новостей» и «Радио России» — речевого поведения коллег, приемов профессиональной коммуникации. При этом четко фиксированные просчеты журналистских выступлений объяснены и поданы в речевой стилистике массового издания: с разнообразными формами диалога, максимальным количеством легко узнаваемых деталей, эффективным включением отрывков из научных и церковно-религиозных сочинений.

Многочисленность третьей группы субъектов критики медиаречи в корпоративном издании Иркутской писательской организации (В. Сидоренко, В. Морозов, А. Байбородин, В. Распутин) вполне объяснима. Профессиональная ответственность литераторов за качество, эффективность, действенность, этичность и эстетичность публичной речи заставляет их акцентировать внимание на «анализе, разборе, обсуждении кого-л., чего-л. с целью вынесения оценки, выявления недостатков» [Ефремова 2001: 739].

Проанализируем реплику-воззвание, в которой активизирована отрицательная оценка языка СМИ эпохи перестройки [Обращение к читателю 1989: 15]. «Обращение к читателю» было опубликовано по инициативе В. Сидоренко, поэтессы и прозаика, редактора ЛИ. Информационным поводом для «Обращения» послужила *неприятнь и в адрес нашего земляка Валентина Григорьевича Распутина*, точнее, публикация «Восточно-Сибирской правды» о фактических нарушениях в текстах писателя.

Структурные части реплики, выполненной в побуждающей риторической манере — зачин, завязка, развитие интеллектуального сюжета — содержат критику медиа: *Средства массовой информации, обладая огромным потенциалом, исполь-*

зуют его в разрушительных целях <...> именно в России в изданиях, выходящих на русском языке миллионными тиражами, распространяется ненависть ко всему русскому [Обращение к читателю 1989: 15]. В финале кульминации дается идейно-стилистическая оценка лексемы из материала Т. Толстой: *Вот один из образчиков с претензией на глубокомыслие: «Русский человек, со всеми его порывами... раб самого себя. Он сам выстраивает в себе своего хозяина и причудливым образом является одновременно и рабом, и рабовладельцем себя и других...», и далее: «...становится понятной страсть русского человека к литературе, к написанному и произнесенному слову. Человек переполнен возвышенными чувствами и намерениями, но произнести ничего не может как ж и в о т н о е (выделено нами). Поэтому те, кто произносит — писатели! — они в такой цене» (Татьяна Толстая. Книжное обозрение, № 36, 8 сент., 1989 г.).*

И даже через это «гуманное» сравнение можно понять, какое все же огромное значение придается русской литературе, если она даже в «животном» находит отзвук [Обращение к читателю 1989: 15].

Сравнение Т. Толстой расценивается критиком как оскорбление русского народа и русской литературы. Финал реплики В. Сидоренко содержит аргументы к пафосу и этосу в виде цепи риторических вопросов, ассоциативно связанных с биографией Т. Толстой: *Если позволим втоптать в грязь наши святыни, на какой литературе завтра будут учиться добру наши дети? <...> Кто поведет и куда поведет их по жизни? <...> Граждане Вселенной, без роду и без племени, привыкшие прогуливаться по дорогам зарубежья, а затем походя в своих писаниях оплевывать наши святыни? Или все-таки национальные писатели, самой историей выдвинутые из народа на трудное служение истине, добру и справедливости? [Обращение к читателю 1989: 15].*

Проблемная статья известного прозаика и публициста В. Г. Распутина «Патриотизм — это не право, а обязанность» [Распутин 1988: 1, 4] дает пример иного использования потенциала критики медиаречи. Автор начинает материал с рассуждения о медийном запрете на употребление слов определенной грамматической формы. Проблема стилистического выбора задает риторическую интригу: *Меня задело в одной из статей утверждение о том, что слово «патриот» в русском языке не должно иметь формы первого лица [Распутин 1988: 1, 4].* Основной термин проблемной статьи, прозвучавший в заголовке, продублирован в зачине однокорневой лексемой. Далее эта же единица рассматривается в «нерекомендованных» и «рекомендованных» синтаксических сочетаниях, структурирующих социум и раздающих привилегии на нравственные оценки: *Это значит, что никто из нас не вправе сказать: «Я — патриот», а может надеяться, что кто-то скажет о нем: «Ты — патриот», или после смерти напишут в прощальном слове: «Он был патриот» [Распутин 1988: 1, 4].* Грамматика плавно перемещается в сферу морали и этики: *Выходит, что декабрист Раевский был слишком нескромен и много на себя брал, когда говорил: «Если патриотизм — это преступление, то я преступник, и пусть суд вынесет мне самый ужасный приговор, я подпишу приговор». И все другие, кто считал себя патриотом, не имели морального права присваивать себе это звание, потому что оно не захватывается, а даруется, а по нравственной этике не приличествует награждать себя добродетелями, пока этого не сделают другие [Распутин 1988: 1, 4].* Публицист начинает разговор о патриотизме как самой ответственной обязан-

ности любого гражданина, неисполнение которой *есть гражданское дезертирство*. Так критика медиаречи — протест против медийного табу на патриотичную лексику — с первых строк задает тональность, определяет идейно-предметное поле многополосной статьи, создает риторическую интригу. По-разному осмысленные В. Распутиным и журналистами-современниками однокоренные лексические единицы «патриотизм», «патриот» участвуют в заголовочной номинации, называют основной предмет проблемного обсуждения, одновременно организуют риторически активный зачин, логично перетекающий в основную часть дискуссионного материала.

Публикации четвертой группы субъектов критики медиаречи — активистов-общественников — в ЛИ немногочисленны, представлены проблемной публикацией В. Забелло, письмами-комментариями Л. П. Вороновича, О. Святогорца, письмом-исповедью Т. Г. Федосеевой. Обратимся к довольно пространному письму Л. П. Вороновича, жителя с. Арбаты Красноярского края, содержащему реакцию читателя на язык и стиль публикаций ЛИ и риторике авторов ЛИ в других изданиях.

С любовью благодаря редакцию за персональную рассылку издания, Л. П. Воронович обрушивает критику на Ростислава Филиппова — известного сибирского поэта, ответственного секретаря Иркутского отделения Союза писателей СССР — за публикацию в одном из местных журналов. Читательская критика в основном касается убеждений Р. Филиппова, его подходов к оценкам библейских персонажей и классиков отечественной литературы и лишь бегло характеризует стилевую манеру, модель риторического поведения автора: *Он смеет быть недовольным великим пророком Божиим Исаией и как бы ворчит на него за то, что Исаия обвиняет евреев во грехах <...> Потом этот Р. Филиппов в этой же статье самозабвенно возводит А. Пушкина во пророки <...> Недалеко живет от моей деревни некий Владимир, некрещенный, замороженный журналом «Наука и религия», помешанный на сионистах <...> не думал я, что сотрудник Вашей Православной газеты тоже фактически замороженный* [Воронович 1991: 16]. Оценочная агрессия Л. П. Вороновича распространяется и на других авторов ЛИ, на их манеру выражать свои мысли, причем критика стиля публикаторов не персонализирована, бездоказательна, максимально экспрессивна, противоречива по отношению к общей оценке издания: *В вашей газете много авторы статей растекаются по мирскому дрему, называют Л. Толстого пророком и т. д., но все равно газета ваша интересная и полезная* [Воронович 1991: 16].

Таким образом, частные мнения «активистов», критикующих газетную практику и речевые особенности авторов, в ЛИ исключительно редки, в большей степени субъективны, мало аргументированы, но интересны по форме и стилю.

Выскажем соображения по поводу объема критических замечаний и способов их введения в тексты ЛИ. Включение критики медиаречи в информационные, аналитические, художественно-публицистические материалы осуществляется тремя способами, назовем их условно «точечным», «фрагментарным», «текстовым». Все три способа используются профессиональными коммуникаторами ЛИ, исключительно «точечная» модель введения критических замечаний характерна для четвертой группы субъектов критики медиаречи.

Первый способ довольно частотен, он предполагает, что из текста СМИ в соответствии с интенциями критика извлекается «показательный» элемент. Этот

элемент препарируется профессионалом или непрофессионалом (соответственно с разным уровнем глубины) в аспекте риторики и культуры речи, стилистики и литературного редактирования, лингвоконфликтологии и лингвоэкспертизы, т. е. одной или нескольких филологических дисциплин, экспертных методик. Результат анализа оформляется в виде оценочно-критической реплики или высказывания и включается в текст в качестве изобразительной или выразительной детали. Реплика, выдержанная в манере критики медиаречи, выделяет концептуально важную предметность, с помощью поведенческо-речевых оценок акцентирует внимание на социальных чертах личности, особенностях социальной страты (см.: [Тендитник 1989; Обращение к читателю 1989; Воронович 1991]).

«Фрагментарный» способ подачи критики медиаречи предполагает, что филологический анализ речевой единицы, извлеченной из СМИ, образует в тексте критика самостоятельную микротему, цепь микротем, определенный мотив, структурную часть — фрагмент, необходимый для воплощения социально акцентированной идеи (см.: [Распутин 1988]).

Для «текстового» способа оформления критики медиаречи характерно, что публикация СМИ, подлежащая разбору, последовательно препарируется как идейно-содержательная, предметно-логическая, композиционно-риторическая модель. Рассмотрение общественной проблемы или гражданской позиции автора критик производит исключительно с помощью анализа языка и стиля публикации, идиостиля медиAPERсоны. Конечный продукт критики медиаречи (см.: [Смирнов 1991]) обладает всеми институциональными признаками текста СМИ.

Способы критики медиаречи могут сочетаться, тогда, например, в последовательный логико-риторический анализ материала СМИ вплетаются самостоятельные микротемы с анализом языковых единиц разных уровней или конкретные «точечные» комментарии отступлений от речевых норм, требований фактографии (см.: [Ершов 1988]).

Выводы. Критика медиаречи в ЛИ 1988–1993 гг. велась представителями четырех групп субъектов по трем взаимосвязанным направлениям:

1. Риторика медиаречи (эффективно-действенный аспект критики). Публикации [Тендитник 1989; Ершов 1988; Распутин 1988; Смирнов 1991; Воронович 1991] в указанном аспекте касались критики:
 - речевой экспрессии авторов СМИ (избыточной или недостаточной);
 - использования риторических аргументов к логосу (манипулятивная подмена понятий, бездоказательность, несостоятельность выводов, безосновательность предположений, уход от темы, нарушение причинно-следственных связей) и пафосу (сокрытие истинных интенций автора);
 - недобросовестной работы с иллюстративно-фактическим материалом (искажение цитат, подтасовка фактов, тенденциозный отбор фактов, недобросовестная квалификация фактов);
 - использования манипулятивных тактик («свой — чужой», дискредитация оппонентов, наклеивание ярлыков, устрашение).
2. Стилистика медиаречи (ресурсный и ситуативно-речевой аспекты критики). Указанные аспекты представлены в публикациях [Ершов 1988; Распутин 1988; Воронович 1991] критикой:

- стиливых и стилистических нарушений: неверного стиливого выбора, избыточной экспрессии лексем, клишированности и излишнего присутствия идеологизированных штампов 1920-х годов, многословия, неверного словообразования, использования выразительных средств в инвективной функции;
 - индивидуального стиля, сложившегося у автора СМИ в силу экстралингвистических факторов: политической ангажированности, некомпетентности, невежества, гражданской непорядочности, пренебрежения этическими нормами, безответственности;
 - идеологических запретов на использование в речи морфологических вариантов лексики определенной тематики и направленности.
3. Лингвоконфликтология медиаречи (лингвоправовой, лингвоэтический аспекты критики). В русле этого направления осуществляется критика речевых «злоупотреблений» медиа с позиций этики и права, текстовые явления оцениваются и анализируются как правовые проступки и речевые преступления. К этому направлению относятся публикации ЛИ о русофобии, нарушении норм профессиональной этики в печати и на радио (см.: [Смирнов 1991]), неприязни местных СМИ к В. Распутину, об оскорблении русского народа и русской литературы Т. Толстой (см.: [Обращение к читателю 1989]).

Критические замечания в соответствии с концептуальным решением вводились в различные структурно-композиционные части проблемных статей, редакционных обращений, читательских писем, статей-опровержений, комментариев ЛИ. «Точечный», «фрагментарный», «текстовый» способы введения критики медиаречи в публикации представлены либо в «чистом» виде, либо в сочетании.

Описание групп субъектов критики медиаречи, определение основных направлений критического анализа языка и стиля СМИ, исследование специфики структурно-композиционного включения и способов введения критических замечаний в публикации «Литературного Иркутска» эпохи перестройки создают научный прецедент для изучения критики речи СМИ в современных региональных медиа Приангарья.

Литература

- Бейненсон, В. А. (2014). Современная медиакритика: проблема взаимосвязи теории и практики. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 2 (2), 418–421.
- Большев, А. (2012). Наука ненависти. *Нева*, 4. Электронный ресурс <http://www.zh-zal.ru/neva/2012/4/bo10.html>.
- Васильева, В. В. (2020). Критика медиаречи. В *Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник*, 45–49. Москва: Флинта.
- Дускаева, Л. Р. (2018). Медиалингвистика в России: становление структуры и векторы развития. *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика* 6, 48–74. Электронный ресурс https://elibrary.ru/download/elibrary_36841866_52152840.pdf.
- Ефремова, Т. Ф. (2001). Критика. В *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный, т. 1*, 739. Москва: Русский язык.
- Коньков, В. И. (2016). Принципы описания актуальной медиаречи. *Актуальные проблемы стилистики*, 2, 106–114.
- Короченский, А. П. (2010). Медиакритика как оценочное познание социального функционирования СМИ. *Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки*, 18 (89), 7, 204–208.

- Романцова, Т. Д. (2019). Проблемы бурятского этноса в «Литературном Иркутске» эпохи перестройки. В *Актуальные проблемы монголоведения и тюркологии* (с. 181–188). Иркутск: Изд-во ИГУ.
- Цветова, Н. С. (2012). Категория автора в интенциональном поле медиатекста. В *Медиатекст как полиинтенциональная система* (с. 17–24). Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Tsvetova, N. S. (2019). Criticism mediarech as a vector of development of media-linguistics. В *Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения, т. 2* (с. 311–313). Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.

Источники

- Воронович, Л. П. (1991). Уважаемая редакция! *Литературный Иркутск*, октябрь.
- Ершов, Л. Ф. (1988). «ВП» и «Мы». По поводу статьи Г. Петрова «Так вы пробиваетесь к правде?» *Литературный Иркутск*, март.
- Обращение к читателю (1989). *Литературный Иркутск*, декабрь.
- Распутин, В. Г. (1988). Патриотизм — это не право, а обязанность. *Литературный Иркутск*, июнь.
- Смирнов, В. (1991). Стыдно за то, что русские? *Литературный Иркутск*, апрель.
- Тендитник, Н. (1988). Опора духовных сил. *Литературный Иркутск*, март.
- Тендитник, Н. (1989). Обновятся орду крыле его? *Литературный Иркутск*, октябрь.

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2020 г.;
рекомендована в печать 24 апреля 2020 г.

Контактная информация:

Романцова Татьяна Дмитриевна — канд. филол. наук, доц.; t100562@yandex.ru

Criticism of media speech in the “Literary Irkutsk” in the era of perestroika: Subjects, directions, methods of introduction to publications

T. D. Romantsova

Irkutsk State University,
8, ul. Lenina, Irkutsk, 664025, Russian Federation

For citation: Romantsova, T. D. (2020). Criticism of media speech in the “Literary Irkutsk” in the era of perestroika: Subjects, directions, methods of introduction to publications. *Media Linguistics*, 7 (3), 303–317. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2020.303> (In Russian)

The article discusses groups of subjects of media speech criticism of the Irkutsk writers organization's newspaper “Literary Irkutsk” of the late 80s — early 90s in the twentieth century. It is proposed to classify writers, poets, and playwrights as subjects of criticism of media speech, along with representatives of the academic sphere, employees of media organizations, and public activists. The expansion of the group of critics of media speech is justified by multiple objective and subjective reasons. Groups of media speech critics are structured into two communities — professional and non-professional communicators. The main areas of criticism of media speech in the corporate publications are identified. It has been established that effective aspects of publications (media rhetoric) are relevant if they criticize excessive or insufficient expression of texts, rhetorical arguments of logos and pathos, unfair work with illustrative and factual material, and manipulative tactics. The criticism of media speech acquires a resource and situational-speech perspective (stylistics of media speech) while analyzing stylistic violations in the media, analyzing extralinguistic factors that influenced the individual style of media authors, and when describing ideological prohibitions on the stylistic use of language options. Linguistic-legal and linguistic-ethical aspects of criticism (linguoconflictology) involve an analysis of the speech “abuses” of media from the standpoint of ethics and law. The specificity of the inclusion of critical comments of various sizes in different structural and

compositional parts of the materials of “Literary Irkutsk” is shown. Three methods are presented — “point”, “fragmentary”, and “text” — the introduction of media speech criticism into problematic articles, op-ed articles, readers’ letters, rebuttals, and commentary from “Literary Irkutsk”.

Keywords: criticism of media speech, *Literary Irkutsk*, corporate press, journalism of perestroika.

References

- Beinenson, V. A. (2014). Modern media criticism: the problem of interrelation of theory and practice. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2 (2), 418–421. (In Russian)
- Bol’shev, A. (2012). The science of hate. *Neva*, 4. Retrieved from <http://www.zh-zal.ru/neva/2012/4/bo10.html>. (In Russian)
- Duskaeva, L. R. (2018). Metalinguistics in Russia: structure and method. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 10. Journalism*, 6, 48–74. Retrieved from https://elibrary.ru/download/elibrary_36841866_52152840.pdf. (In Russian)
- Efremova, T. F. (2001). Criticism. In *New dictionary of the Russian language. Explanatory-word-formation, vol. 1* (p. 739). Moscow: Russkii iazyk Publ. (In Russian)
- Kon’kov, V. I. (2016). Principles of description of actual media speech. *Aktual’nye problemy stilistiki*, 2, 106–114. (In Russian)
- Korochenskii, A. P. (2010). Media criticism as an evaluative cognition of the social functioning of the media. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya Gumanitarnye nauki*, 18 (89), 7, 204–208. (In Russian)
- Romantsova, T. D. (2019). Problems of the Buryat ethnos in the “Literary Irkutsk” of the perestroika era. In *Aktual’nye problemy mongolovedeniia i tiurkologii* (pp. 181–188). Irkutsk: Irkutsk State Univ. Publ. (In Russian)
- Tsvetova, N. S. (2012). Author category in the intentional field of the media text. In *Mediatekst kak poliintentsional’naya sistema* (pp. 17–24). St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian)
- Tsvetova, N. S. (2019). Criticism mediarech as a vector of development of media-linguistics. In *Media v sovremennom mire. 58-e Peterburgskie chteniia, vol. 2* (pp. 311–313). St. Petersburg: St. Petersburg University Press.
- Vasileva, V. V. (2020). Criticism of media speech. In *Media linguistics in terms and concepts: dictionary-reference* (pp. 45–49). Moscow: Flinta Publ. (In Russian)

Received: February 20, 2020

Accepted: April 24, 2020

Author’s information:

Tatyana D. Romantsova — PhD in Philology, Associate Professor; t100562@yandex.ru